

Гуманизм или ересь человекопоклонничества?

В своей проповеди в Неделю Торжества Православия 20 марта 2016 года¹ Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл затронул важнейшие проблемы современности – вопросы гуманизма, обозначенные им как «глобальная ересь человекопоклонничества». Неожиданно эта проповедь вызвала бурную реакцию представителей светской общественности. Хотя, казалось бы, она должна была остаться незамеченной, т.к. на первый взгляд не затрагивала никаких противоречивых вопросов. Поскольку Бог, которого проповедует Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, является Любовью. Любимый ученик Иисуса Христа Иоанн Богослов в своём Первом послании также сообщает, что «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (I Ин. 4.16). Сам Иисус Христос многократно призывал всех верующих в Него к любви к человеку. Например, апостолам он сказал: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13. 34–35).

На вопрос книжника о наивысшей заповеди Божией Иисус сказал ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22. 37–40).

Гуманисты также признают ценность человеческой личности, ее права и свободы и призывают к любви к отдельному человеку. Статья 2 Конституции России этот гуманистический призыв превратила в один из важнейших конституционных принципов, провозгласив, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и финансового права Европейского института Justo

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

Поскольку гуманизм представляет собой основное направление политики современных светских государств, а права человека являются основным объектом регулирования светского (секулярного) права, то затронутые Патриархом вопросы имеют не только богословские, но также нравственные и юридические аспекты. А поэтому имеют прямое отношение к жизни каждого человека, независимо от избранного человеком вероисповедания или принадлежности к атеистическому состоянию. Поэтому хотелось бы несколько слов сказать именно об этих аспектах.

При более пристальном взгляде на проблему прав человека и любви к человеку, как ее понимают гуманисты, и как ее предлагает понимать Церковь, проблема существует. И существенная. Особенно, если брать человека не как изолированного индивида, а в системе: человек – общество – государство. Или: человек – Церковь – государство.

Если взять, например, проблему человека, его прав и свобод, отношения к нему в системе координат: человек – общество – государство, то, думается, её правильнее решать через призму соотношения части и целого. Поскольку человек является составной частью и общества, и государства. Человек, сказано в статье 2 Конституции, является ценностью. Но в системе координат «человек – общество – государство» он выступает ценностью, являющейся частью целого. Поэтому и надо соотнести указанные понятия между собой.

Прежде всего следует отметить, что сами составители Конституции Российской Федерации предусмотрели правильный выход из этой ситуации. Положения, зафиксированные в части 3 статьи 55 Конституции, устанавливают, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Из чего следует, что человек, его права и свободы выступают несомненной ценностью. Иначе не было бы смысла в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Но ценностью, рядом с которой находятся другие, более высокие ценности, точно зафиксированные в самой Конституции, в пользу которых (и только их!) можно в известной мере, установленной федеральным законом, поступиться правами отдельного индивида.

Подобный подход сочетания индивидуального и коллективного имеет древние корни. Например, выдающийся русский государствовед и философ Н. М. Коркунов отмечал, что этические учения древних не имели индивидуалистической окраски. Индивиду в этих учениях не было места. Напротив, начало нравственного подчинения во всем объективному по-

рядку приводило последовательно и к подчинению индивида обществу, образующему часть этого порядка².

Указанные положения статьи 2 Конституции не получили однозначной оценки в юридической науке. И практика их применения также во многом противоречива. Например, часть авторов справедливо отмечают, что положения статьи 2 настолько «выбиваются» из контекста всего содержания Основного Закона, что их необходимо трактовать и применять в контексте с другими ее положениями (ст. 15, 17, 18, 55) и с учетом консолидации интересов различных социальных слоев, групп, индивидов, всего общества³.

Другие же авторы, наоборот, опираясь на индивидуалистический опыт западного общества и секулярного права, считают справедливым, что права и свободы отдельного человека (индивидуализм) должны превалировать над общественными интересами и тем более – над государством⁴.

Подобный подход выглядит несколько непривычным и в какой-то степени инородным для российской действительности. Поскольку в России веками нарабатывалась взаимосвязь между нравственностью и правом. В отличие от Запада, в России, как отмечает Б.С. Эбзеев: «XIX век был отмечен неприятием индивидуализма и свободы, сводившейся лишь к гарантии от вмешательства государства в определенные сферы жизни. Вместе с крушением философско-правовой системы индивидуализма, на разложение была обречена и оправдывавшая ее естественно-правовая доктрина, утратившая былой авторитет; индивидуализм, политико-юридической рефлексией которого выступали прирожденные права человека, господствовавший в XVIII столетии и служивший обоснованию всей общественной и государственной жизни, уступил свое место коллективизму, доминировавшему первые три четверти XIX века»⁵.

И только революционные события 1917 года с их насильственным, почти вековым насаждением атеизма смогли нарушить национальные традиции. Если абстрагироваться от религии и богословия и попытаться хотя бы мысленно согласиться со второй группой авторов, настаивающих на необходимости индивидуалистического гуманизма, то получается, что наше общество не сдало главный экзамен – на нравственную зрелость. Потому что не усвоило главного урока собственной истории. Посколь-

² См.: Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. Изд.5-е. – СПб., 1908. С. 6.

³ См.: Фролова Е.А. Теория естественного права единство // Государство и право. 2015. № 4. С. 53; Эбзеев Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 5–15; он же. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика единство // Государство и право. 2016. № 4. С. 32–44.

⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Карповича В.Д.). – М.: «Юрайт-М», «Новая Правовая культура», 2002. Ст. 2. Справочная правовая система «ГАРАНТ»; Луковская Д.И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 12.

⁵ Эбзеев Б.С. Современный конституционализм, как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 7.

ку, если «наложить» обозначенные в выступлении Патриарха свойства гуманизма на историческую канву России, то получится, что в 1917 году молодая, активная, но не имеющая достаточного жизненного опыта и не совсем образованная часть общества, движимая эгоистическими устремлениями, также сказала своим родителям, всему обществу, государству, сонмам и сонмам своих предков и предшественников: «Не учите нас жизни! Мы лучше знаем, как правильно!». И до сих пор учимся «правильному»... О том, что указанная «глобальная ересь» не изжита до сих пор и имеет не только религиозно-богословский аспект, свидетельствует российское законодательство. И, прежде всего, Конституция Российской Федерации. К примеру, положения ее статей 2, 28 (о которой речь пойдет ниже) и некоторых других.

Таким образом, самое важное, сущностное, глубинное противоречие между гуманизмом и Церковью в системе координат «человек – общество – государство – государство» состоит в том, что гуманисты в качестве социальной структуры предлагают перевернутую пирамиду, во главе которой стоит индивид. Как образно сказал Святейший Патриарх, «в Новое время возникло убеждение, что главным фактором, определяющим жизнь человека, а значит, и общества, является сам человек. Несомненно, это ересь, и не менее опасная, чем арианство. До того считалось, что Бог управляет миром через законы, которые Он создал, и обществом человеческим – на основе нравственного закона, который Он открыл в слове Своем и отобразил в человеческой совести. Поэтому законы человеческие старались привести в соответствие с Божиим законом; Бог и совесть были главным судьей, а главным авторитетом для человеческого суда был Божий закон. Но наступило время, когда эту непреложную истину поставили под сомнение и сказали: «Нет, Бог тут ни при чем. Каждый имеет право верить, но это его личное дело, ведь есть и неверующие. Всякий индивидуум обладает особыми правами, в том числе определять для самого себя, что хорошо, а что плохо. Значит, должен быть некий универсальный критерий истины, а таковым может быть только человек и его права, и жизнь общества должна формироваться на основе непререкаемого авторитета человеческой личности»⁶.

Церковь же, движимая процитированными выше словами Спасителя (Мф. 22. 37–40) предлагает любить человека только в Боге и с Богом. Именно поэтому ни Патриарх, ни любой другой верующий человек не могут иметь других предложений на сей счёт, поскольку это единственный верный вариант решения проблемы, позволяющий любовью пронизать все общество, каждого его члена и гармонично консолидировать их в единое целое, в котором найдется место и самой Церкви, и множеству других общественных организаций.

⁶ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

Имея указанную структуру, основанную на иерархических принципах любви Бога к человеку и человека к Богу и другим людям, независимо от их вероисповедания, расы, пола и т.д. – просто потому, что они люди – наша Церковь, невзирая на все невзгоды, лихолетья и многочисленные преследования, уже более тысячелетия остается практически неизменной. Гуманизм же за гораздо более короткий период времени многократно изменялся и каждый раз с определенной степенью насилия. То были грубые материалисты, то были строители эфемерного коммунистического будущего, то мы уже строим общество потребления и др.

Подобная же проблема существует и в отношениях «человек – Церковь – государство». В ней можно выделить три магистральных направления, в которых по-разному сочетаются отношения человека с Церковью и государством. Первое – теократическое. При котором человек, Церковь и государство строят свои взаимодействия на Законах Божиих, и Церковь оказывает значительное консолидирующее влияние на человека, общество и государство. В чистом виде его у нас не существовало, а то, что было в начале – середине XVII века, давно забыто. Более памятливы другие два направления.

Первое из них установилось с конца 1917 года, расколовшее общество на два непримиримых лагеря, в которых воинствующее атеистическое государство и сочувствующие ему миллионы граждан начали борьбу на самоуничтожение, преследуя Церковь, ее членов и сочувствующих ей граждан. И только страшная катастрофа Великой Отечественной войны несколько «приглушила» этот процесс.

Третье направление формально началось с принятием действующей Конституции Российской Федерации, которое характеризуется демократическим светским гуманизмом. Но куда деть многомиллионный государственный аппарат, воспитанный на коммунистических идеях и имеющий непосредственный доступ к законотворчеству, огромным материальным, финансовым и другим ресурсам и оказывающий влияние на Церковь и общество?

В частности, влияние последних двух направлений отражается на положениях статьи 28 Конституции Российской Федерации, провозгласивших, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Реальная ситуация с указанными положениями Конституции гораздо сложнее. Во-первых, потому что в Конституции Российской Федерации в отношении права на свободу совести, свободу вероисповедания и атеизма отсутствуют «компенсирующие» положения наподобие части 3 статьи 55 в отношении содержания статьи 2 Конституции. Если в отношении

прав отдельного человека часть 3 статьи 55 Конституции устанавливает, что они могут быть ограничены только федеральным законом и в целях защиты более высоких ценностей (например, основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других людей), то в отношении распространения атеизма никаких формальных преград не существует. Поскольку с октября 1917 года в государственном аппарате поколениями работали только члены атеистической компартии, то и положения статьи 28 Конституции еще долго будут иметь только формальный характер, прикрывающий формальным равенством доминирование атеизма.

Во-вторых, получается, что составители Конституции Российской Федерации в отношении некоторых её статей больше «позаботились» о точности формулировок производных положений, чем о формулировках, содержащих государствообразующие, обществоформирующие, нациеобразующие положения. Например, содержание упоминавшихся статей 2 и 28 Конституции имеют, на наш взгляд, именно такой основополагающий (системообразующий) характер. Положения же, например, статей 38, 40, 41, 43 и других имеют производный характер. И получается, что в соответствии со статьей 28 по такому важнейшему вопросу, как вероисповедание, **каждому** (выделено мной. – А.О.) гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой.

То есть, например, каждый несовершеннолетний (еще «лучше», когда группа несовершеннолетних, поскольку по Конституции Российской Федерации он имеет право исповедовать «совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой»), если буквально следовать положениям Конституции, может однажды по обозначенному вопросу сказать своим родителям приблизительно то же, что наши предки в 1917 году сказали своим родителям и прародителям (по существу, всему обществу)... Получается, что специально или неумышленно, но мы заложили перманентный 1917-й год в нашу последующую жизнь.

В то же время, например, грубо говоря, по вопросам приобретения умения читать, писать и считать мы ребенку уже «не доверяем», установив конституционную норму, в соответствии с которой «родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования» (ч. 4 ст. 43). Сказанное в полной мере касается вопросов воспитания: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38). И какое мы собираемся дать воспитание и образование, если по такому коренному – мировоззренческому – вопросу отношения к религии мы «заложили мину замедленного действия»?

Наши предки, наоборот, в течение веков старались, прежде чем дать образование, заложить духовные основы. Да и читать-писать они учили по книгам Священного Писания.

Прежде рассмотрения смысла и опасности гуманизма, а также глубинных корней его противоречий с религией, с точки зрения права и нравственности необходимо предварительно решить еще один вопрос: что такое гуманизм. Современная литература дает различные определения указанного понятия.

Наиболее распространенные из них сводятся к следующему: **гуманизм** (*humanus* – «человеческий», «человечный») – признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. В более узком смысле – светское вольномыслие эпохи Возрождения, противостоявшее схоластике и духовному господству церкви⁷.

Философский энциклопедический словарь отмечает, что гуманизм – это система мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье. В противовес церковному требованию посвятить земную жизнь искуплению своих грехов, гуманисты провозгласили человека венцом мироздания, утверждали его право на земное счастье, на «естественное» стремление к наслаждению и способность к нравственному самосовершенствованию⁸.

Можно приводить и другие определения указанного понятия, большинство из которых сводятся к тому, что гуманисты ставят человека в центр мироздания и при этом, естественно, противопоставляют гуманизм религии.

Другими словами, идеи гуманизма пронизаны стремлениями индивидуализма, гордыни и «самовосхваления» человеком самое себя. Как это ни странно, но многие положения Конституции Российской Федерации в той или иной степени также восприняли указанный «передовой опыт» Запада. «Обязанность соблюдать права человека налагает на вас некий авторитет; если это не Бог, то это некие люди; если, отвергая Бога, мы сохраняем понятие об абсолютности прав человека, мы наделяем эту группу людей абсолютной, богоподобной властью нас обязывать». Это справедливое суждение выглядит как развитие мысли Николая Бердяева, который в «Экзистенциальной диалектике божественного и человеческого» настаивал на том, что «ложь гуманизма» заключается в догмате о самодостаточности человека, что ведет к идолопоклонству⁹.

Исходя из этого, некоторые авторы считают гуманизм квазирелигией¹⁰. Хотя, с учетом того, что творение в указанной «квазирелигии»

⁷ Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1985. С. 349.

⁸ Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

⁹ Щипков А. В. Гуманизм как квазирелигия // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html/>

¹⁰ См., например: там же; Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М.: СГУ, 2008. С. 407.

заменяет собой Творца, правильнее было бы назвать это антирелигией, богоборчеством.

Подобно тому, как все призывы позитивистского и неопозитивистского науковедения положить конец идеологии, этой «порочной форме сознания», сами в конечном счете принимают форму негативной идеологии (представления о конце идеологии – это тоже идеология), призывы к абсолютной секуляризации общественных отношений, безрелигиозному обществу не могут не выступать в виде некоего подобия все той же религии, но только негативной религии, соответствующей условиям современного духовного кризиса цивилизации.

Поэтому, указав на основные свойства гуманизма, Патриарх Кирилл отметил, что сегодня о нем необходимо говорить как «о глобальной ереси человекопоклонничества – нового вида идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни. Ничего подобного в глобальном масштабе никогда не было», «ересь всегда ставит себя выше Церкви. Еретик считает, что только он знает правильный путь, а все остальные заблуждаются». ... Ведь ересь – это заблуждение, которое касается не частных аспектов, но атакует саму сущность церковной жизни, более того, веру в Бога»¹¹.

Другими словами, извращение в духовной жизни наложило свой отпечаток на материальное существование человечества, на существенное изменение социальных структур и место в них человека. Произошло также изменение социального регулирования, т.е. права и нравственности. Отсюда берет начало вторая проблема гуманизма – секуляризация права.

Секуляризация права привела к тому, что в настоящее время человек Запада, где она за столетия утвердилась достаточно стабильно, «находится в гуще беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли. Ставится под вопрос вся наша традиция права – и не только так называемые либеральные идеи последних двух столетий; поколебалось само здание западной законности, постройка которого началась еще в XI–XII столетиях»¹².

О древности указанной проблемы на Западе свидетельствует другой крупнейший зарубежный специалист в области сравнительного права Р. Давид. Он пришел к выводу, что на Западе в XIII веке уже перестали смешивать религию и мораль с гражданским порядком и правом; за правом вновь были признаны его собственная роль и автономия, которые отныне стали характерными для западных образа мысли и цивилизации¹³.

¹¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. 21.03.2016 г. // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html>/патриарх.

¹² Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. – М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. С. 13.

¹³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Междунар. отношения, 1996. С. 33. См. также: Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999. С. 26, 28; Буткевич О. В. Міжнародне право середніх віків. Монографія. – К.: Видавництво гуманітарної

Другими словами, секуляризация привела к отделению права от морали и религии.

Между тем мораль, выступая, главным образом, в качестве «внутренне-го» социального регулятора, основанного на определенных представлениях о справедливом и несправедливом, о гуманном и бесчеловечном, о добре и зле, позволяет постепенно вырабатывать в человеке внутреннее стремление к этому возможному идеалу, совершенному поведению.

Известно, что под моралью понимают форму общественного сознания, предполагающую высокие идеалы и строгие нормы, регулирующие поведение человека во всех сферах общественной жизни на основе представлений о добре и зле, справедливом и несправедливом и т.п. С позиций религии, мораль дарована человеку свыше; ее основные понятия и нормы даны человеку Богом, изложены в священных книгах для регулирования правильного поведения людей. Например, в Ветхом Завете сформулированы десять заповедей; в Новом Завете – Нагорная проповедь Иисуса Христа – обращение к народу с нравственными поучениями. В исламе пророк Мухаммед получил нравственные наставления от Аллаха через ангела Джебраила и передал их верующим.

Таким образом, мораль для людей является сводом вечных и неизменных заповедей (императивов), которые не могут возникнуть без религии и вне ее. Представители светской науки многократно пытались «научно» доказать, что нравственные отношения имеют собственный источник возникновения, но при этом или впадали в противоречия или, как создатели морального кодекса строителей коммунизма, заимствовали его положения из десяти ветхозаветных заповедей.

Как отмечают многие ученые, именно мораль позволяет обеспечить гармоничное развитие как отдельного индивида, так и государства, и общества. «Не противостояние различных слоев общества и их противоборство за политическое господство, а социальная солидарность – в этом заключается универсальная объективная составляющая демократической конституции и основное содержание ее сущностной характеристики. Отсюда – признание социальной природы человека и возложение на нее определенных тягот во имя общего блага»¹⁴.

Как считает богословская наука, важнейшей особенностью религиозной морали является то, что она ориентирует человека на две группы ценностей: «земные» и «небесные». Первая из них способствует образованию и развитию идеалов любви и уважения людей друг к другу в повседневной

литературы, 2008. С. 10; Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4.– М., 1994. С. 78.

¹⁴ Эбзеев Б.С. Современный конституционализм, как синтетическое единство // Государство и право. 2015. № 12. С. 9. См. также: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ / Пер. с нем.– М., 1981. С. 112, 113; Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия.– СПб, 1897. С. 18; Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 165, 166.

действительности, а вторая – служит образцом для первой и воспитывает в человеке стремление к «небесной» жизни.

Например, десять ветхозаветных заповедей (Декалог), переданных Моисею на горе Синай, состоят из двух частей. Первые четыре заповеди регулируют отношения человека с Богом: (1) Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим; (2) не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им; (3) не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь [Бог твой] без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно; (4) помни день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему (Втор. 5. 6–14).

Только после этого излагаются остальные шесть заповедей, регулирующих отношения между людьми. Важно отметить, что они также излагаются в определенном иерархическом порядке: вначале изложены моральные императивы, а затем – важнейшие постулаты права. Внутри указанных двух групп императивов также есть жесткая и строгая иерархия.

Рассмотрим моральные заповеди. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Не прелюбодействуй. Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ни всего, что есть у ближнего твоего (Втор. 5. 16, 18, 21)». Причем, во всех монотеистических религиозных системах нормативные отношения между людьми и Богом являются основополагающими.

Таким образом, религиозная мораль создает, сохраняет и систематизирует основные нравственные, культурные, национально-бытовые и другие традиции. Освящая целый ряд норм, ценностей и постулатов, религия придает им статус святости и абсолютности в виде единого систематизированного и годного на все времена свода правил.

Завершается Декалог правовыми императивами: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй. То есть запретом совершать определенные действия, которые способны причинить вред другому человеку.

Современное право, которое в подавляющем большинстве государств приобрело светский характер, характеризуется тем, что оно потеряло связь не только с религией, но и с моралью. В этой катастрофической секуляризации (отделении) право не только теряет свою целостность социального регулятора, но и качества адекватного регулятора общественных отношений.

Значение морали и религии (и их превосходство над секуляризованным правом) выражается в том, что, во-первых, выступая в качестве «внутреннего» социального регулятора, мораль вначале позволяет выработать внутреннюю модель (отношение) к определенному поведению, а затем и пресекать (на уровне мыслительного процесса) «некачественное» поведение еще до совершения поступка (то, что в уголовном и административном праве принято называть субъективной стороной преступления, правонарушения). От мысли, которая не отвечает нравственным критериям (справедливости, добра и т.п.), всегда легче отказаться, чем от подготовленного действия.

Во-вторых, позволяет оценивать «качество» юридических прав и обязанностей. Поскольку в качестве критериев социального регулирования норм морали используются представления о справедливости, добре, сострадании и т.п. В качестве критериев воздействия права на поведение человека заложены права и обязанности, которые не в состоянии дать оценку качества их воздействия на поведение людей.

В-третьих, регулирование и контроль социальных отношений религиозными и нравственными нормами более эффективно, поскольку осуществляются самим обществом (семьей, общественными организациями, профсоюзами, политическими партиями, друзьями и просто близкими людьми) на основе внутренней потребности, внутреннего побудительного импульса, а не внешним юридическим принуждением, формально осуществляемым государственными чиновниками разного уровня и профиля.

Не случайно Г. Гегель в «Философии права» более 200 лет тому назад писал, что «христианская религия есть религия свободы»¹⁵. Кроме того, привлечение общественных организаций к указанной сфере переведет институты гражданского общества из существования «на бумаге» в реальную плоскость.

Сохранению веры, национальных традиций в отечественном праве и преимущества в этих вопросах способствовало бы введение в учебную программу юридических вузов дисциплины «Церковное право». Преподаваемое в настоящее время в юридических вузах так называемое секулярное (светское) право ни в какой мере не может решить эту проблему, поскольку оно существует как регулятор индивидуальных интересов. В то же время подлинное право, разновидностью которого является церковное право, по существу своему имеет метафизическое начало¹⁶.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 306.

¹⁶ См.: Осавелюк А.М. О соотношении церковного и светского права // IX Румянцевские чтения. Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы научной конференции, посвященной 50-летию со дня преставления Архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), святителя Симферопольского и Крымского / Материалы междунар. научной конференции / Под ред. А.М. Осавелюка. М.: Издат. РГТЭУ, 2011. С. 120–137; он же. О некоторых проблемах канона в церковном праве // Государство и право. 2015. № 4. С. 28–34.

Известный отечественный ученый Б. Н. Чичерин еще в XIX веке отмечал, что с отрицанием метафизики пришлось и сущность права подвергнуть изгнанию. Вместо свободы основным началом признается *интерес*. Метафизическая идея заменяется практической пользой. Однако это изгнание метафизической идеи и замена ее началом практическим имели весьма печальные последствия. Все юридические понятия перепутались, что в приложении ведет к беспрерывным недоразумениям. Если юристы-практики не сбились окончательно с толку, то это происходит единственно потому, что они исполняют закон, как он есть, т.е. как определение прав и обязанностей, а не так, как это требуется теорией, заменяющей право интересом¹⁷.

Характеризуя связь нравственности с религией, Б. Н. Чичерин отмечал, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, как утвердительно. Если нравственность не существует независимо от религии, то она должна быть предметом особенного откровения»¹⁸.

Оценивая опыт секуляризации в Европе, некоторые западные авторы отмечают, что она в целом не решила радикальных задач, которые ставили в свое время самые решительные атеисты – искоренить религию, сделать общество свободным от религии. Более того, она не умалила значения христианства, не снизила пафоса христианской веры¹⁹.

Такую же особенность отмечают и многие другие иностранные и российские ученые: «По мере исторического развития этих стран право и религия как социальные регуляторы все более обособляются друг от друга». При этом исследователи подчеркивают, что «разрушение религиозных основ, где бы оно ни происходило, никогда не приносило пользы праву и правовому порядку, так как в конечном счете право и религия призваны закреплять и утверждать нравственные ценности»²⁰.

В результате такой удаленности права от религии и морали «неминуемо поведет к его несправедливости»²¹. Подобная оторванность и несправедливость выражаются в том, что секулярное законодательство государств устанавливает правила поведения, которые грубо попирают не только религиозные и моральные устои, но и по своей сути являются бесчеловечными.

То есть с точки зрения формального секулярного права (в основе которого, повторимся, лежат юридические права и обязанности субъектов),

¹⁷ См. подробнее: Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 80–81.

¹⁸ Чичерин Б.Н. Философия права. С. 136.

¹⁹ См.: Christentum und modernes Recht. Beiträge zum Problem der Säkularisierung. Hrsg. von G. Dilcher und I. Staff. Frankfurt am Main, 1984. S. 5–6; Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999. С. 26, 28.

²⁰ Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов под общей ред. акад. РАН В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. С. 216; Буткевич О.В. Международное право средних веков (на укр. языке). – Киев: Изд-во гуманит. лит-ры, 2008. С. 315–319; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998.

²¹ Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 78.

определенное действие (законодательное разрешение эвтаназии, сделки преступника с правосудием, заключение однополых браков, свободного разрешения аборт и т.д.) считается правомерным.

Но при сопоставлении с нормами морали на поверхность проступает не что иное, как узаконения преступлений. Поскольку нравственность зиждется не на юридических правах и обязанностях (критерии права), а на принципиально иных критериях: представления о любви, добре, справедливости и т.п.

По нашему мнению, именно восстановление триединства норм религии, морали и права, при опоре на указанное триединство в процессе преподавания юриспруденции и правового регулирования отечественным правом способно не только дать наиболее полное представление обучающимся о праве, его возможностях и месте в системе социальных регуляторов, но и обеспечить в последующем системный подход к регулированию социальных отношений²², прав и свобод человека в первую очередь. Более того, и само право, как система юридических правил поведения, в этом триединстве может максимально реализовать себя в качестве социального регулятора.

На самом деле «безрелигиозное общество» и «безрелигиозный человек» – понятия химерические, они пусты и бессодержательны подобно всякому простому отрицанию. За ними стоят иллюзия свободного выбора убеждений, суррогатная духовность, производимая и распространяемая современным миром на высоком информационном уровне²³.

С учетом того, что гуманизм – это квазирелигия, антирелигия и т.п., то положения статьи 28 Конституции Российской Федерации следовало бы сформулировать иначе. Негоже смешивать грешное и праведное и ставить их на одну ступеньку. Тем более, что уголовное, административное и другое отраслевое законодательство различают правомерное и неправомерное (преступное) и четко отделяют их друг от друга. Например, посвящает им разные статьи в нормативных правовых актах и тем самым не ставит их на одну ступеньку.

Имеется в виду, что содержание указанной статьи Конституции следовало бы разделить на две части или еще лучше – на две отдельные статьи. В одной из них поместить право на свободу вероисповедования, а в другой – права атеистов, гуманистов и т.п.

Кроме того, с учетом вышеизложенного, право на свободу вероисповедования надо бы также изложить с учетом семейных и общественных ценностей, которые способствуют гармонизации социальных отношений, а не

²² См. подробнее: Осавелюк А. М. Государство и церковь. Монография. М.: Изд-во РГТЭУ, 2010.

²³ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 407. См. также: Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов под общей ред. акад. РАН В. С. Нерсесянца. С. 212–216; Папаян Р. А. Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002; Селюков Ф. Т. Происхождение действующего права. М., 1997. С. 34, 132–133.

их разрушению и внесению дисгармонии, как это вытекает из содержания действующей нормы статьи 28 Конституции Российской Федерации.

Например, наподобие появившейся почти двадцать лет спустя, после принятия Конституции Российской Федерации нормы статьи 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которая установила, что в целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями. в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих **федеральных государственных образовательных стандартов** (выделено мной – А.О.), учебные предметы, курсы, дисциплины (модули)²⁴, направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий) или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины (модули).

Более того, часть 2 статьи 87 указанного Федерального закона в какой-то степени исправляет атеистические положения статьи 28 Конституции Российской Федерации, устанавливая, что «выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся». То есть, лицами, которые родили ребенка, вырастили его до определенного возраста и дали соответствующее образование и воспитание, и с которыми у ребенка, как правило, в течение всей жизни сохраняются самые устойчивые и самые прочные связи – духовные и кровнородственные.

С учетом того, что положения главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 135) не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием в целях повышения правового статуса семьи и ответственности родителей за духовно-нравственное воспитание детей, а также в целях повышения консолидации общества в указанной сфере, предлагаем изменение законодательства. Предлагаем дополнить статью 3 «Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования» Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» новым принципом: «признание права родителей (законных представителей) обучающихся участвовать в выборе одного из учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), включенных в основные общеобразовательные программы, направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации,

²⁴ СЗ РФ. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598

о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий)».

И это справедливо. Более того, этот принцип в сочетании с упоминавшимися положениями статьи 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» позволит в большей степени компенсировать гуманистические положения статьи 28 Конституции Российской Федерации и наполнить их духовно-нравственным содержанием. Повысить гармонию и спокойствие в российских семьях, во всем обществе.

Если семья – это основная и первичная ячейка общества, и если «забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации), то именно в основополагающих, обществообразующих вопросах вероисповедания, духовно-культурного воспитания каждому должна гарантироваться свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию. Но в отношении несовершеннолетних указанные вопросы должны решаться совместно с родителями. Причем мнение родителей должно быть главным и определяющим.

Мы убеждены в том, что светское государство не является синонимом атеистического государства, как это получается по содержанию статьи 28 российской Конституции.

В отличие от России, конституции многих других светских государств если и не дистанцируются от атеизма, то более объективно и гармонично, с учетом интересов единства семьи регламентируют вопросы религии и религиозного образования.

Например, в статьях 13, 16 Конституции Греции установлено, что «отправление культовых обрядов, оскорбляющих общественный порядок или нравственные нормы, не допускается. Прозелитизм запрещается»; «образование является важнейшей задачей государства и имеет целью моральное, духовное, профессиональное и физическое воспитание греков, развитие их национального и религиозного сознания и формирование их как свободных и ответственных граждан»²⁵.

Статья 29 Конституции Румынии устанавливает, что свобода мысли и мнений, а также свобода религиозных верований не может ограничиваться ни в какой форме. Никто не может быть принужден принять мнение или присоединиться к религиозному верованию, противоречащему его убеждениям. Свобода совести гарантируется; она должна проявляться в духе терпимости и взаимного уважения. Религиозные культы свободны и организуются по собственным уставам на условиях, установленных законом. В отношениях между культурами запрещаются любые формы, средства, акты или действия, возбуждающие религиозную рознь. Религиозные культы автономны по отношению к государству и пользуются

²⁵ Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В. Маклаков – 3-е изд., исправ. и доп. М.: Издательство БЕК, 2006.

его поддержкой, включая благоприятствование религиозной помощи в армии, больницах, местах лишения свободы, приютах и сиротских домах. Родители или опекуны имеют право обеспечивать, соответственно собственным убеждениям, воспитание несовершеннолетних, за которых несут ответственность.

Статьи 48 и 53 Конституции Польши устанавливают, что каждому обеспечивается свобода совести и религии. Свобода религии включает свободу исповедания или принятия религии по собственному выбору, а также проявления индивидуально или совместно с другими людьми, публично или частным образом своей религии путем отправления культа, молитвы, участия в обрядах, исполнения религиозных правил и обучения. Свобода религии включает также владение храмами и другими культовыми местами в зависимости от потребностей верующих, равно как и право людей пользоваться религиозной помощью там, где они находятся.

Родители имеют право обеспечивать детям нравственное и религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям. Религия церкви или иного вероисповедного союза, имеющего урегулированное правовое положение, может быть предметом обучения в школе, причем не может быть нарушена свобода совести и религии других лиц.

Подобный подход к закреплению прав и свобод человека и гражданина позволяет не только обеспечить преемственность поколений, нравственно-религиозно-правовую связь между детьми и их родителями, но и сплотить их в единую семью. А единство семей будет способствовать укреплению гражданского общества и налаживанию гармоничных отношений внутри гражданского общества – между ним и государством. Кроме того, такой подход воспитывает морально-нравственную обязанность человека по отношению, прежде всего, к семье и к другим людям, обществу и государству. Делает эту обязанность не правовым принуждением, а внутренней потребностью каждого индивида, повышает взаимную ответственность человека и общества. Тем более, что индивид, являясь одновременно членом различных общественных объединений, строящих свою деятельность во многом на нравственных нормах, получает от них помощь в разрешении трудных вопросов.

Но в Конституции Российской Федерации аналогичное право в статье 28 сформулировано с чисто казенной формальностью и с остатками скрытого атеизма. Исходя из положений указанной статьи, на практике ребенок имеет право сказать родителям: «Вы можете исповедовать одну религию, а я буду атеистом (или исповедовать другую)». Кроме того, из этой статьи (также формально) вытекает, что иностранные религиозные объединения получают такой же правовой статус, что и отечественные.

Понятно, что о запрете нарушать свободу совести и религии других лиц, о которых идет речь в приведенных положениях конституций Польши и Греции (аналогичные положения закреплены конституциями других

государств), как гарантии укрепления социального мира и согласия для россиян, с такой скрытой атеистической формулировкой в Конституции Российской Федерации не приходится говорить.

Более того, конституции многих светских государств, в отличие от России, содержат нормы о религиозном образовании. Например, статья 7 Основного Закона ФРГ установила, что лица, уполномоченные на воспитание детей, имеют право решать относительно участия этих детей в религиозном обучении. Религиозное обучение является в публичных школах, за исключением неконфессиональных школ, обязательным предметом. Без ущерба для права надзора государства, религиозное обучение производится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один преподаватель не может быть обязан против своей воли вести религиозное обучение.

О том, что современная Россия, в отличие от многочисленных светских государств (на которые мы, *на словах*, так сильно хотим ориентироваться), является не столько светским, сколько атеистическим государством (и по Конституции и фактически), свидетельствуют гуманные СМИ: спор о преподавании основ православной культуры в российских школах ведут **не другие конфессии** и Русская Православная Церковь между собой – здесь-то как раз имеется некоторое взаимопонимание и определенное сотрудничество, – «масла в огонь» подливают именно те, кого это, по крайней мере формально, меньше всего должно касаться – те же самые СМИ.

В связи с этим хотелось бы сказать, что «спор о преподавании основ православной культуры в российских школах – спор не праздный. От решения вопроса, будет ли новое поколение русских понимать православие, воспринимать его не как одну из конфессий в «многоконфессиональном государстве», а как своё миросозерцание, как некую аксиому, маяк для индивидуального сознания во мраке тотального нигилизма, зависит – сохранится ли Россия»²⁶.

Анализируя причины исторической катастрофы, происшедшей в России в феврале – октябре 1917 года, И. А. Ильин писал, что «политическое событие есть всегда объективировавшийся сгусток множества личных душевных состояний и напряжений; ритм исторического процесса вырастает всегда из множества индивидуально-духовных, хотя и взаимодействующих, ритмов. Из действия миллиона здоровых правосознаний не возникает общественно болезненное явление, а миллион разлагающихся правосознаний в их взаимодействии и сотрудничестве – что даст кроме государственной гибели?»²⁷.

²⁶ Бабурин С. Н. Вероисповедание как стержень политического, правового и духовного развития государств и народов // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы. Материалы V межвузовской научной конференции, посвященной 400-летию династии Романовых / Коллектив авторов: Материалы научной конференции / Под ред. С. Н. Бабурина, А. М. Осавелюка. М.: Книжный мир, Европейский институт JUSTO, 2013. С. 11.

²⁷ Ильин И. А. Основные задачи правоповедения в России // Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 153.

По его мнению, «причина кризиса – духовная, она – в нас, в свойствах нашего правосознания, нашего хозяйственно-душевного уклада, нашей религиозности. И, прежде всего, в свойствах нашего правосознания – общего, публичного и частного»²⁸.

Утверждение юридического принципа свободы совести свидетельствует об утрате обществом религиозных целей и ценностей, о массовой апостасии и фактической индифферентности к делу Церкви и к победе над грехом. Но этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющим ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества.

С точки зрения религиозного понимания любви к человеку и построения на ее основе солидарной соборности, религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит христианскому представлению о призвании Церкви в обществе. Поскольку Церковь может указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми, а также к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы священному дару жизни.

С другой стороны, в осуществлении своих социальных, благотворительных, образовательных и других общественно значимых программ Церковь может рассчитывать на помощь и содействие государства. Она также вправе ожидать, что государство при построении своих отношений с религиозными объединениями будет учитывать количество их последователей, их место в формировании исторического культурного и духовного облика народа, их гражданскую позицию.

²⁸ Там же. С. 156.